

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ СОЦИОЛОГА

М.А. Тарусин

ДВУХЭТАЖНАЯ АМЕРИКА

(окончание; начало см. "Мониторинг общественного мнения", 2008, №3)

Наши будни

Жизнь моя в Америке была содержательной. Профессор и Татьяна сводили меня с умными людьми, возили на тусовки, устраивали их сами, таскали по университетам и каждое утро заставляли делать мучительный выбор.

— Что ты хочешь сегодня? — спрашивала Татьяна, и затем следовало с десяток "или", в которых я совершенно терялся.

— Давай на Ниагару, что ли, — нерешительно говорил я, — там и Бостонский университет рядом.

— О'кэй, — говорила Таня и вдруг начинала пронзительно кричать, подзывая мужа. Тот вбегал стремглав и ему сообщалась диспозиция.

Про Ниагарский водопад скажу одно — он падает. И делает это с чувством. Я раньше никогда не видел, чтоб так падали. С таким разгоном вначале и такой катастрофой в конце.

Смотреть на это можно долго, навалившись на перила. Мускулы потоков накачены, как у культуриста. Они наливаются силой на камнях и с ревом несутся вниз. Там, в бездне, один нескончаемый взрыв. Водяная пыль встает гигантским облаком и уходит в небо. Дальше от водопада река сначала кипит, потом несет на себе пену и стада чаек, которые хватают охреневшую от пережитого рыбу.

Ходят пароходики с туристами. При подходе к водопаду толпа на борту начинает орать так, что слышно даже сверху, шут знает, от каких эмоций. Сверху ничего такого не заметно. Честно говоря, впечатление от грохота быстро притупляется. Может быть, я не натуралист, но наблюдения за человеческой природой, по-моему, интереснее.

Вот, к примеру, Татьяна. Она человек очень благожелательный и еще более энергичный. Порой темп, ею взятый, опережает возможности мыслительной реакции.

С утра Таня, которая обычно перемещается по дому на третьей скорости, вдруг переходит на пятую и начинает носиться в ограниченном пространстве с видом крайне растерянным. Она обнаружила пропажу кошелька, который для американца — все. Там права, набор кредиток всех видов и назначений.

ТАРУСИН Михаил Аскольдович — руководитель отдела социологических исследований Института общественного проектирования.

Татьяна носится и не понимает того, что на такой скорости она не в состоянии сфокусироваться на объекте, даже если он будет у нее на пути. Когда она в очередной раз появилась из спальни и скрылась в кухне, я встал с дивана, поднял сумочку, мимо которой она пробежала уже одиннадцать раз, вынул оттуда кошелек и долго потом не мог отдышаться от проявленной благодарности.

Профессор хоть и выглядит молодожаво, муж степенный и рассудительный. Таня всегда зовет его несколько раз, переходя с громкого гласа на отчаянный вопль. Профессор отвечает не сразу, поскольку погружен в свои мысли, из которых медленно всплывает на поверхность быта. Я его часто спрашиваю о здешних нравах, в ответ он всегда молчит.

Погода, я спрашиваю:

— Это ты думаешь над вопросом или так вообще?

На что он отвечает:

— Это я размышляю над твоим вопросом.

Потом я перестал спрашивать и просто ждал. Порой профессор, размышляя, уходил в сторону, а потом забывал тему вместе со мной. Через полчаса беседы о другом он вдруг говорил:

— Да, прости, вот видишь ли... — и следовал обстоятельный ответ.

— Интересно. А ты это к чему?

— Так ты же спрашивал.

— Когда?

Интеллигентность и деликатность моих друзей нередко зашкаливали.

— Миша, — говорит Таня, — звонил муж, он очень извиняется, что когда час назад ел на кухне бутерброды, а ты проходил мимо, не пригласил тебя. Он переживает.

Сама Татьяна, выделив мне комнату внизу, неизменно спрашивает:

— Мишенька, можно я войду в твою комнату, там в комодке мне надо...

Сначала я только смущенно пыхтел и разводил руками, но потом смирился и, сидя на диване в гостиной, говорил:

— Только постучи сначала.

Однажды мы устраивали "пати" для ученых мужей и дам. Татьяна превратилась из свежего бриза в средней силы тайфун, и мне захотелось надеть спасжилет. Вот вам меню на 14 человек. Привожу из тех соображений, чтоб вы знали, чем вас никогда не накормят в средней американской семье:

1. Сациви по рецепту Похлебкина
2. Свинина с грибами и луком тушеная
3. Свинина с капустой тушеная
4. Помидоры, фаршированные мясом, запеченные
5. Русские блины
6. Фрукты, орешки — разные
7. Вода, пепси, сок
8. Водка, виски, ром, вино разное
9. Хлеб разных сортов
10. Печенье, пирожное.

Впрочем, сосед, эксцентричный Робин (кстати, миллионер), как-то раз пригласил нас к себе и потчевал здоровенным куском мяса, который готовил 24 часа в кастрюле с каким-то прибором, поддерживающим постоянную тем-

пературу. Попробовав, я подумал, что хватило бы и двух часов, но вслух ничего не сказал.

В кабинете Робина, который служил в береговой охране США 20 лет, висит портрет деда — настоящего ковбоя. Дед — вылитый Юл Бриннер с жестким взглядом, в шляпе на лысом черепе и с сигарой в зубах. Дед на фото с палкой, а рядом юный Робин. Этой самой палкой, гордо сообщил Робин, дед колотил его в 4 утра, подымая на работу по ферме.

В гараже у хозяина стоит "Харлей", в который тот вложил уже 30 тысяч зеленых и который по нажатию кнопки взревел как тиранозавр. Рядом "Мерседес", в него вставлен другой мотор на 600 лошадей и даже кузов новый, из литого алюминия. У этого зверя скорость 300 миль при разрешенных 65.

— Зачем тогда? — спрашиваю.

— Хочу, — говорит.

Но это оригинал, а прочие накормят вас сосисками из гриля — символом американской свободы.

Свобода и вера

Американцы по праву гордятся свободой не только сосисок, но и вероисповедания, ведь многие их предки бежали от религиозных распрей Европы, а свобода гарантирует любому уважение его веры. Религиозные общины Америки, как товары в моле — несть им числа. Лютеране, баптисты, методисты — это только стволы, а от них отходят бесконечные ветви. В небольшом городке, где я недолго жил, церквей и молитвенных домов разных общин было что грибов и все разные, на любой вкус и каприз. Все открыты только по воскресеньям и исправно собирают свою паству, где горстку, а где — пожалуй, и толпу.

Как-то я неожиданно наткнулся на табличку возле храма, гласившую — "Славянская церковь полного Евангелия", т.е. пятидесятников, которые добрались и в эти места. Бог весть, сколько паствы набирают они в этом провинциальном городе, открылись, говорят, недавно. Есть негритянские церкви, куда заходят даже белые, послушать знаменитые спиричуэл, нашел я и православный храм Зарубежной церкви. Храм небольшой, имеет, как полагается, снаружи большую парковку, а внутри — двадцать старушек да несколько американцев. Оттого литургия ведется по-русски и тут же по-английски.

Старушки, совершенно как в России, в платочках, со смиренным выражением лица. Семенит такая бабушка после службы, открывает дверь старого "Кадиллака", садится, охая, за руль, крестится и лихо выезжает с парковки.

У греков картина иная — большой православный комплекс, более похожий на концертное здание, — фойе, современная архитектура, с двух сторон вход в "кинозал", где действительно ряды удобных кресел, в которых все сидят себе, ровно католики. Зал имеет наклон к алтарю, точно как в кинозалах, на креслах сзади столики для удобства чтения. На "Евангелии", правда, народ встает, но потом все вновь садятся. Народу много, я насчитал человек триста, разного возраста и пола. Это, собственно, и есть не токмо храм, но и культурный центр. В фойе много объявлений, в частности о грядущем греческом фестивале в начале июня с большой и веселой программой.

Отношение к религии не более чем ко всему остальному — это уж старосветская традиция. "Распорядок недели: теннис — среда, бассейн — вторник, пятница, шопинг — суббота, храм — воскресенье". Конечно, никому в голову не втемяшится спорить о роли религии в обществе, можно ли ее в школе препода-

давать или нельзя. Есть и есть, хочешь — учи, не хочешь — в бассейн, на корт или куда еще.

Нет, оно, конечно, верить полагается, это — свобода, но куда ты ходишь, в какую общину, как ты там камлаешь — дело твое, это ты сам, как знаешь. Правда, и здесь последнее время появились вечно обиженные на весь свет исламисты, ушам которых больно слышать, как президент поздравляет нацию с Рождеством. В этих чувствительных ушах вообще от много чего шипит сера, и средние американцы уже морщатся. Вот тоже новая напасть, только негров угомонили кое-как, афроамериканцами назвали, расшаркались, в кандидаты, вон, выставили, теперь эти возникать стали. Что ж за наказание такое? И вот уже нацию поздравляют с "Новогодними праздниками" вместо Рождества, а с елки перед Белым домом убирают Рождественскую звезду — очам правоверных от нее тоже больно.

Это все американцам непонятно — да хоть в табуретку верь, только чего на нас обижаться, я же на нее не сажусь? Но политкорректность нынче стоит на страже свободы, и оттого думай, чего хочешь, а молчи в тряпку — свобода дороже слов.

Это вообще забавная тенденция — вот во Франции запретили в школах девочкам носить платки. То есть носить можно, но если по религиозным убеждениям — то нельзя. Но вот ежели я штаны ношу по религиозным убеждениям, тогда что? Тоже нельзя? Без штанов, что ли, теперь? Ну, французы ладно, они Бастилию брали, но от янки я лично такого не ждал. Все-таки кольты, ковбои, Баффало Биллы, Скарлетты О'Хары и прочие декларации. Нда-с.

Мы ехали в Джорданвилль, где располагаются Свято-Троицкий мужской монастырь и резиденция Первоиерарха Русской православной церкви за рубежом. Монастырь невозможно найти ни по карте, ни по навигатору, ни на местности — нет ни одного указателя, хотя расположен он на далеком отшибе от трассы. Здесь живут по принципу "кому надо, тот найдет". Когда мы, поплутав, все же подъехали к его воротам, то попали в сонное царство. Кругом ни души. Небольшой храм был закрыт, я прошел во двор и никого там не обнаружил. В монастыре насельников пятьдесят человек, да семинария на столько же, да паломники — должны же быть люди? И точно — в дальнем конце двора под голубой елью копался чернявый человек в подряснике.

— Бог в помощь, — сказал я, — не подскажите, где тут книжная лавка?

В ответ он на ломаном английском сказал, что понимает только по-испански. Но желая, видимо, мне угодить, ткнул пальцем в одну дверь. За ней была лестница, поднявшись по которой я очутился в братских общежительных покоех, откуда меня стремглав вывел, взявши за рукав, молодой человек в подряснике — то ли брат, то ли семинарист. Он хоть говорил на родном языке, но был немногословен и отвел только к лавке, заметив, что она сейчас, верно, закрыта.

Но она была открыта, и нас ласково приветствовал молодой монах в очках.

— Что-то у вас тут никого не видать, — сказал я, — где же братия и... вообще?

— Братия на послушаниях, — ответил он коротко и взялся помочь нам что-то купить, повторяя при этом:

— Это все из России, это все вы в Москве купите. Там нынче всего много. Это? Это тоже из Москвы. Тут местного ничего нет... и крестики из России...

Он добавил, что храм откроется в четыре часа, и мы были таковы. На улице я действительно увидел монаха на послушании — это был совсем седенький старичок с мягким выражением лица. Он сидел несколько боком на газонокосилке, в выцветшем подряснике, и косил травку на лужайке перед монастырем — очевидно, страшный Закон достиг и этой тихой обители.

В ожидании отворения храма я стал листать брошюру "Православная жизнь" — скромное издание монастыря за февраль 2008 года, которую мне монах вручил бесплатно, и там, в частности, прочел следующее:

"Нижегородский митрополит Сергей (Старгородский)... присвоив права пребывавшего в заточении Первоиерарха Русской церкви... обнародовал Декларацию о признании им богоборческой Советской власти законной.

Какое страшное предательство свершилось на Русской земле!

Конечно, нынешние апологеты сергианства нашли оправдание своей слабости — надо, дескать, спасения ради Церкви... пойти на все, даже если это измена Христу.

Какая ложь и какое неверие. Не этому учил Христос".

(Виталий Шумило "Схиархимандрит Лаврентий и его время")

Напомню, читатель, брошюра издана в феврале 2008-го, если это кому что говорит.

Меж тем храм все пребывал в затворении, и я спросил прошедшего мимо монаха с ведром (первого за полчаса):

— Что не открывают? Уж пятый час.

— А вы постучите, — ответил он с американским акцентом, — бывает, что за-
бывают открыть. Ах, нет, сегодня четверг, сегодня позже служба...

Мы подождали еще минут двадцать, да так и ушли, более никого не встретив. Сам монастырь крайне невелик, имеет два новых корпуса, задний хозяйственный двор, видом очень русский, даже с большой русской лужей посреди двора. Напротив, через дорогу — скромное здание семинарии, вот и весь сказ. Конечно, нам не повезло, и здесь бывают более оживленные времена, но масштабы несоизмеримы. У всей Русской церкви за рубежом 300 приходов — это в Америке, Австралии и Новой Зеландии (если не ошибаюсь), да несколько монастырей. Посмотрите на Россию, в которой нынче 15 000 приходов, свыше 700 монастырей и умножение идет такими темпами, что не угонишься считать.

В Америке все провинциальное, все хоть и удобно и обустроено, но как-то глуховато. Такая уж страна.

Кампусы

Кампусы — это университетские городки, которые я бы назвал просто городами. Уверяю вас, эти города поражают воображение. Помните, как в сказке: "А чьи это поля?" — "Маркиза Карабаса". — "А чьи это леса?" — "Маркиза Карабаса".

Так вот, едешь по окраине Бостона, типичная окраинная улица в два этажа с магазинами и кафешками.

— А где же Гарвард?

— А вот уже начался.

— Где?

— Да везде.

Улицы, кварталы общежитий, кварталы домов профессуры, учебные, административные корпуса, церкви, скверы, здание полиции Гарварда, снова общаги. Да что Гарвард или Колумбийский университет — это все же элита. Но вот провинциальный Сиракузский университет — типичный американский кампус.

Вначале двухэтажные, с отдельными входами общаги на пригорке среди стриженного газона, потом спортивный центр, потом бассейн крытый, потом здоровенная больница, далее крытые теннисные корты, поля для гольфа — все это маркизово, то бишь университетское. А это что? Гигантский крытый же

стадион, ненамного меньше нашего на проспекте Мира — для бейсбола, баскетбола и проч. — Сиракузы как уважающий себя университет имеет свои команды национального уровня.

Что касается самого храма науки, то тут их под сто — монументальных и величественных зданий разных колледжей и graduate school, начиная со зданий конца XVIII века и кончая только что отстроенными, темного стекла и светлого мрамора. Есть, как водится, большая главная площадь для церемоний и тусовок, точнее, луг с газоном гектара на два.

Всего тут 16 000 студентов. Сначала учатся в collage четыре года, за которые надо "взять" 40 разных курсов и получить звание бакалавра. Потом, коли башки много, иди в graduate school еще на два года и будешь магистром, или, как здесь принято говорить, — мастером.

Курсов куча — я листал толстую книгу и подсчитать не мог. Зато нашел курс "Русский язык, литература и история".

— Много человек на курсе?

— На этом вообще никого. Закрыли, нет желающих. В конце 90-х еще были, а в 2001-м закрыли — было меньше 5 студентов.

К России здесь интерес угас, хотя еще недавно был, и довольно высокий. Объясняется просто: есть работа — есть спрос на специальность, нет работы — нет интереса. Пятнадцать лет назад Россия была очень интересна, поскольку тут всерьез рассчитывали на то, что вот-вот поедут туда сотни, если не тысячи специалистов осваивать бескрайние просторы (не они первые, чай, рассчитывали). Но освоение отложилось на неопределенный срок, и спрос исчез. Зато он растет на кафедре "Изучение геев, лесбиянок, бисексуалов и трансвеститов". А как же — большая актуальная тема, работа в разных социальных организациях помощи убогим, в смысле равноправным, политкорректность, опять же научные изыскания.

Американский анекдот:

— Скажите, вы феминистка?

— Да.

— Как это по-женски!

Народ в кампусе ходит непонятный — не определишь, кто есть кто. Мы с профессором сидели у него в кабинете, как вдруг зашел другой профессор, взял за чем-то мусорное ведро и через минуту принес обратно. Ну, мало ли что. Был он с такой же бородой, в таких же джинсах и свитере. Позже я встретил его в коридоре, он толкал тележку со шваброй и ведром. Дело было в выходной, и я спросил:

— Что, и тут субботники?

— Какие субботники?

— А вот твой коллега со шваброй шестерит.

— Это уборщик.

На улице мы сели в старенький трак "Тойота", а тот — в новую недешевую тачку. Поди разбери — всем плевать, кто во что одет, кто на чем ездит — свобода.

Охватывая габариты провинциального университета, я все силился понять, сколько ж у них денег? Новый ректор собирается расширять кампус в сторону города, стало быть, надо сносить целые старые жилые кварталы и строить на их месте свое, при том что и так каждый год тут что-то воздвигают.

В кафе сели за столик. За соседним сидела девушка в инвалидном кресле, прислушалась и сообщила, что она из Украины, сначала училась в другом уни-

верситете, теперь вот тут. Учится по гранту для инвалидов. В Америке уже семь лет и собирается учиться дальше. Русские есть, но их очень мало. И она углубилась в учебник математики.

Мы ехали с профессором вдоль роскошных преподавательских вилл, и я спросил:

— А как тут с качеством образования?

— Хреново.

— Отчего?

— Кадров не хватает. Вот воруют по всему миру, а все одно мало. Америка большая, университетов три тыщи по стране, у многих денег больше, чем у нас, — переманивают.

Вот так. Проблемы, чтоб их. Не читайте эти строки, молодые российские ученые, очень вас прошу.

Интеллектуалы

Кроме простых американцев в стране есть и непростые — интеллектуалы. Собственно, я ехал, чтобы пообщаться с ними, что и делал периодически в разных городах. Я общался с элитой из разряда научной и творческой, нашлись еще два миллионера, не мульти, а так себе — средней руки. Интерес к России действительно немного, к тому же ученое сообщество обладает научной осторожностью и почитает за благо воздержаться от встречи, если она не носит официального характера (а мои контакты были в основном неформальными).

Заинтересованность проявляют либо просто люди широкого круга интересов, либо те, кто так или иначе включил Россию в сферу своих профессиональных навыков. Я много расспрашивал их о нынешней Америке и особенно о стратегии развития на долгосрочную перспективу. Услышанное можно свести к следующим мотивам:

Мотив первый. Америка в кризисе. Прежде всего это кризис национальных ценностей. То, что было "американской мечтой", уходит в прошлое. Сегодня страна расколота, пока еще большая часть — это традиционная Америка, а меньшая и почти уже равная первой — общество "free lunch" (примерно "халявная жратва"), т.е. люди с психологией иждивенцев. Они не хотят создавать будущее Америки, они лишь пользуются благами ее настоящего. Они не хотят вписываться в национальную этику, но требуют прав и свобод наравне с остальными.

Справка:

Источником словосочетания "Американская мечта" считается трактат Джеймса Адамса "Эпика Америки" (http://ru.wikipedia.org/wiki/The_Epic_of_America, 1931): "...американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает".

Мотив второй. В политике уже долгое время нет масштабных национальных лидеров. Нынешняя тройка не вызывает уважения, а лишь занимает народ противоборством. Личности уровня Рузвельта, Кеннеди или хотя бы Рейгана сегодня нет и в перспективе. Это очень тревожный показатель того, что поли-

тическая элита стала, по существу, кастовой. Она забила все каналы общественного мнения, считая себя единственной мыслительной силой в стране. А силу ее можно выразить в следующей цитате Буша: "Потребовалось время, чтобы мы оказались там, где сейчас находимся. Потребуется время, чтобы это изменить".

Мотив третий. Интеллектуальная элита Америки расколота, в ней нет национальной солидарности, она потеряла влияние на элиту политическую, ее голос не слышен, и она сегодня не может дать Америке новый взгляд на мир, не в состоянии выработать стратегию национального развития.

Наблюдение

Политкорректность запугала американскую элиту до смерти. Есть вещи, которые полагается говорить вслух, даже если тебя от этого тошнит. Так, например, существует три варианта отношения к войне в Ираке:

1. Официальный и произносимый вслух — это борьба за демократию и против терроризма, защита безопасности страны.
2. Неофициальный и обсуждаемый в очень узком кругу — это очень большой бизнес очень небольшого круга лиц в верхних эшелонах власти.
3. Крамольный, о котором можно только думать, — это военная экспансия по контролю над миром и нефтяными ресурсами.

Таким образом, элита не участвует в формировании ценностей, что было свойственно еще в середине и даже последней трети прошлого века. Правда, в стране есть National Research Counsel — научный центр, который готовит правительству доклады, куда, в какие исследования вкладывают деньги — по всем научным направлениям. Но этот центр помогает тратить деньги, а не делать политику.

В здешнем обществе после развала Союза было очень много разговоров о том, что теперь Америка должна взять на себя заботу о судьбе мира и, в частности, России. Но когда в самый момент раздумий о решении судьбы России в мечтательном воздухе вдруг сгустилось жесткое лицо Путина, интерес к России быстро затух. Остался неприятный осадок, с которым некоторые борются до сих пор.

Конечно, Путин — полицейский (о Медведеве пока никто не говорит). Но России необходима сильная власть, традиции России — в твердой централизованной власти. Сегодня Россия становится сильнее, это очевидно. Но если в ближайшем будущем в стране не будет восстановлена система права, система независимых судов (а это основа права) — то нас неизбежно ждут тоталитаризм беззакония и новые социальные потрясения.

Инструмент восстановления системы права — воля федеральной власти.

Особый интерес вызвала наша книга по элите, по поводу которой было сказано, что российская элита гораздо многообразней и содержательней местной, хотя, видимо, и страдает теми же недугами.

Мнения высказывались разные, порой достаточно радикальные. Так, один видный ученый, комментируя действия кремлевских властей, говорил примерно так:

— Они хотят стать западной элитой. И для этого используют страну. Рвутся в Европу и всех уверяют, что они тоже Европа. И того они не ведают, что для Европы они шпана. И всегда будут шпаной. И всегда, кстати, были. — Тут он помолчал и добавил: — К тому же они и есть шпана. Те, впрочем, не лучше, но у них есть свои правила. Договорились за столетия. А с Кремлем никто по-хоро-

шему договариваться не будет. Только если кулак в нос ткнуть. Но тогда они и начнут: "Что мы говорили, шпана угрожает!". Но провоцировать всегда будут.

Так что, дорогие мои москвичи, давайте договариваться с американской элитой — она и смысленей как-то, и во многом схожа с нашей. Хотя бы в своей интеллектуальной растерянности.

Пустые города

Может, вы думаете, что американская элита живет в городах, подобно нашей? Ан нет, живет она все в тех же лесах, в фанерных домах, в городках Москва, Венеция, Копенгаген, Лондон, Париж, Брюссель, Сиракузы — короче, возьмите карту Европы и говорите вслух все подряд — вот вам все американские провинциальные ПГТ.

А кто же живет в городах? Да никто. Они стоят пустыми и производят жутковатое впечатление. Нет, есть толпы Нью-Йорка, Фриско, Лос-Анджелеса, но это такие специальные гигаполисы для толпы и тусовки. А обычные Бостоны, Баффалы и прочие Чикаги — вот там-то настоящая тоска и возьмет. Отчего же так? А от того, что обычный средний американец сядет утром в свой кар, доедет до центра города, въедет на подземную парковку, подыдется на лифте в свой офис, отпотеет там положенное и сверх того, спустится вниз на лифте, сядет в кар и уедет в свою лесную эрию. Где вы в городе его увидите?

Нет, люди в городе живут, но совсем бедные, которые даже на хилый дом наскрести не могут. Стоит на перекрестке негр в широченных штанах, спущенных на яйца, держит их (штаны) одной рукой и, нахлобучивши капюшон толстовки на нос, озирается по сторонам. А по сторонам — пустые, уходящие в перспективу улицы. Проедет белый человек, на негра не глядя, и опять — тишина.

Оттого и магазинов здесь нет, то бишь они были, да прогорели за отсутствием покупателя, и кабаков здесь не найдешь — никто не ходит, потому как некому. Вот еще в том году вот тут, на углу, был неплохой ресторанчик, а ныне — все заколочено. И магазинов нет, ни продуктовых, ни каких других. Магазины — это вам надо пять кварталов проехать, завернуть налево, а там, через 10 миль, будет мол, там все, что вам надобно.

Но все же есть пара улиц, на которых вы найдете кафе и рестораны — жалкое подобие парижских со столиками на улице, но непременно огражденных загородкой. Зачем? Не знаю, но с той стороны загородки курить нельзя — общественное место, зато, перешагнув ее, — уже можно. Меня заинтересовало — а перевесившись, сидя тут, а мордой там — можно курить? Нельзя — жопа отвечает за голову.

В те кафе тащится по выходным молодежь — как-никак городская жизнь, тусовка, в натуре. Вот сидят они, сосут коктейль, один за вечер. Болтают девахи нижними граблями немывыми в тапках, галдят что-то, вид довольный и независимый, хохочут делано громко, прижимаясь к упитанным мачо, будто в приступе веселья.

О, великий спирт Америки! Ну, отчего твои юные дочери так задасты и неуклюжи? Отчего они ходят вперевалку и строят гримасы, как мартышки? Отчего одеты в протертые мешковатые штаны, сальные майки и отчего расческу они берут в руки не чаще раза в неделю?

О, дух свободы и наплевательства, что ты с ними сделал?!

Архитектура в городах соответствующая, американская, так сказать, т.е. имперско-никакая. Просто — бабах — и затылком в небо. Рядом еще — бабах — туда же тем же. Старые небоскребы — из мрачного серого камня, новые — из зеркального черного стекла и отражают все подряд. Такого нигде в мире не увидишь. Старины никакой, все давно снесено в угоду прогрессу. Разве что на окраинах пустые глазницы брошенных фабрик довоенных времен.

Тенденция такая — в самом центре все свежее и модерновое, чуть поодаль — постарее, на окраинах — почти полная разруха, как, скажем, в Баффало. Город хиреет, промышленность оттуда уходит, новых перспектив нет, впечатление удручающее. Пустота и какая-то мрачность. Нет бизнеса — нет жизни.

Но зато где он есть — там шик. Вот в Москве Лужков с помпой уже десять лет строит и все не может выстроить Деловой центр на четыре башни (не ошибаюсь числом?). А ведь это Москва, тут 80% всех финансов страны.

Хорошо. Вот вам Джерси Сити. Те же десять лет назад здесь были пустые старые фабрики да шантрапа уныло бродила. Но пришел Большой Бизнес, и сегодня целый город из стекла, мрамора и хрома воздвигся напротив Манхэттена. Небоскребы — голову не задерешь, чтоб на зад не шлепнуться, все красавцы, монументы самим себе. Стоят небесным лесом на берегу Гудзона безо всякого Лужкова. Но если б он был, еще не факт, что стоял бы, а уж ежели с командой своей — быть тут пустым фабрикам и по сей день. Ну, паре котлованов еще.

Иными словами, города — это для работы и ни для чего больше. Зато работу свою янки уважают безмерно. Спросите его о работе. Если до этого веселая дама легко щебетала, то тут она делает лицо Родины-матери с плаката и торжественно речет:

— Я работаю в компании, которая продает шпунтики для птурсиков (что-то вроде). Это... (после чего следует нудное, лишнее объяснение, ибо я как на грех поднял одну бровь после "птурсиков"). А мой муж имеет свой бизнес, — пафос последней фразы невыразим.

— А что за бизнес у мужа? (Муж стоял поодаль в кружке беседующих, имел рост 2 м 10 см и лицо Аристотеля с Гегелем пополам.)

— Он продает детские паровозики и вагончики. Очень перспективный бизнес.

— О! — говорю я.

Я вам, россияне, вот что скажу. Пока мы не научимся с таким вот чувством говорить о птурсиках и паровозиках, не жить нам, как в Америке. Вот ведь, продавай кто в России птурсики и спроси его об этом, что нормальный русский человек ответит? А ответит он так:

— Чем занимаюсь? Да так, херней одной, самому смешно. Но пока кормит...

И, вздохнув, добавит:

— Наливай.

Так что оттого города пустые, что сидят посетители его в своих компаниях, продают птурсики, акции, консультируют кого-то о чем-то, утыкаются в мониторы по десять часов в день — зачем им улицы? И когда ходить по их пустым тротуарам?

Нет, это пускай делают бездельники в спущенных штанах, о которых речь далее.

Но вот, наконец, и они, эти странные долговязые существа в толстовках с капюшоном, надвинутом на широкий нос, в штанах, спущенных на середину черных блестящих ягодиц и оттого поддерживаемых за ремень спереди. Ходят они по улицам пустых городов вразвалку, стоят на перекрестках, озираются и провожают пристальным взглядом быстрые машины белых людей. Это — негры (прости меня, побледневшая Америка, ну пятнадцать же знаков тюкать в твоих "афроамериканцах" — уволь). Отчего они — единственная публика городских тротуаров? А они не работают. Годами, семьями и поколениями. Торговать наркотой, оружием, брать на гоп-стоп ближнего, будучи под дурью и с тем же оружием, — дело настоящих черных мужчин. Но чтобы в конторе днями напролет — это извращение. Но если вы подумали, что жизнь ваша под угрозой, — успокойтесь. Здесь действуют любопытные социально-этнические законы.

Есть районы (эрии или комьюнити — я все путаю, что в чем) очень богатых белых. И поэтому там очень дорогая земля и дома. Есть кварталы средних американцев, где разброс цен, в зависимости от местоположения, отдаленности от чего-нибудь. А есть бедные районы, в которых раньше жил средний класс, а потом оттуда ушел и оттого теперь там и земля, и дома вообще ничего не стоят. Там живут негры. А как они появляются? Ну, к примеру, решил как-то некий мэр-демократ селить среди белых для пущей демократии бедных черномординых. Тут же вывелся твердый социальный закон — там, где их дети достигают величины в 20% от общей массы населения, последнее, в лице бледнолицых братьев, начинает из того района тихо линять. Одновременно цена домов в районе начинает стремительно падать, и жители в панике распродают свою недвижимость. Возникает закон — численность негров в квартале обратно пропорциональна стоимости жилья.

В результате бывший фешенебельный район мимикрирует в Гарлем со всеми вытекающими. Дома стремительно хиреют, и вот уже появляются заколоченные фанерой окна, краска облупляется, а когда-то гордый балкон отвис и подоткнут под зад железной ржавой трубой. Возле домов ходят толстые негритянские мамы, ползают в песке детишки, развешано белье. Бедность от того, что все в районе живут на социальные пособия, а недостающее пропитание добывают разными лукавыми путями, как то: кража велосипедов и продуктов из магазина. Кстати, замочили уже двух хозяев местного маркета, поскольку они были негры и нет спасения тем, кто наживается на черных братьях. После этого торговлю в районе взяли арабы — их не трогают, памятуя об 11 сентября.

Возможен другой вариант захвата — был вполне приличный район итальянцев. Стали там появляться капюшоны. Смотрят — итальянцы пока терпят, молчат. Негры умножились. Макаронники вздыхают, но молчат. Те опять удвоились.

— *Stare sul cazzo*, — сказали в сердцах мафиози и убралась из района. Я нынче был там — мрачные обшарпанные здания, убогость и разруха, кое-где остались пиццерии, но самих апеннинцев и след простыл, ходят по улицам капюшоны и делают свои плохие дела. Так образовался новый закон — мирного этнического выдавливания. По-видимому, именно неписанные законы являются признаком устойчивой социальной организации.

Но, правда, закон не всегда срабатывает. Вот стали негры заглядываться на очень солидный район с кирпичными домами и начали там прохаживаться как бы невзначай. Изнеженные обитатели вилл и бассейнов заохали, запричитали и стали было собирать чемоданы. Но тут кто-то из потомков первых переселенцев вдруг выпрямился и сказал:

— А с чего бы это вообще? А на хрена ли? А вот накося!

И негры как-то быстро оттуда исчезли. Говорят, не обошлось без местных копов, которые, под покровом темноты, патрулировали улицы в эрии и могли, оглянувшись, надавать одинокому "гармонисту" по почкам. Это соображается быстро — когда бьют, то больно, когда больно, то лучше убраться туда, где не бьют. Тогда не будет больно. Кстати, днем бить негров нельзя — они начинают громко вопить и взывать к справедливости. Они вообще очень болезненно чувствуют справедливость. Оттого даже копы в патрульных машинах черно-белые, раньше я считал это гиперболой Голливуда. Но нет, если б оба копа были белые — визгу в случае захвата негра было бы на всю страну, мало что он грабил магазин и взяли его с дымящимся "магнумом".

Это я вообще еще и к тому, что наши встревоженные шовинизмом общечеловеки могут успокоиться. Ноне тут через все это давно прошли, и считается так, что белый человек должен испытывать постоянно растущее чувство вины перед темной стороной луны. Они да, де юре испытывают, а что про это думают да что промеж себя говорят — то головам читателей лучше не знать, а ушам — не слышать.

Но вот интересен третий закон — закон о границах дозволенного. Иными словами, все пиф-пафы, гоп-стопы и прочие шалости происходят только в периметре гарлемов. Какая-то незримая черта табу не пускает спереть велосипед у дома белого — хотя он и новый и дороже вдесятеро, чем те, которые прутся у себя. Отчего? А оттого, думается, что закон. Внутри своей эрии его нет, ты у меня, я у тебя и квиты. А тут может начаться. Следовательно, лучше там не трогать, их все-таки больше, к тому же пособия и разные льготы они пока платят регулярно.

Вот, кстати, те же индейцы. Тоновандо, Делаваро, Ониндано, Скайогада, Хайавата — красиво звучит! Это все бывшие индейские земли. А теперь есть резервации. Вы не увидите ее границы — только на карте. А сами индейцы — полноправные граждане США. Но ежели они ЗА пределами резервации своего племени, то просто граждане. А если в пределах — то обиженные белыми индейцы и получают мешок всяких льгот. Ну, к примеру, имеют право торговать сигаретами без пошлины, и оттого в табачном магазине в резервации милях в двадцати от города блок сигарет стоит на 20% дешевле. Притом предполагается, что патриотичные покупатели потом эту пошлину выплатят. Хрен вам в ведомость налоговую. И оттого в самом магазине лучше не фоткать — Чингачгук за кассой не позволит отпугивать клиентов. И, собственно, зачем индейцу вылезать за пределы резервации? Льготы терять — дураков нет.

Зато вот у кого нет ни льгот, ни прав — это мексиканцы. Последнее время их понаехало миллионы, и все эти миллионы исправно и за гроши трудятся. Не нарадуются на них белые люди и спрашивают себя: "И чего это мы из Африки понатащили? Вот же — и под боком, и работающие! Эх!". И в чувствах даже один губернатор решил дать этим трудягам какие-то карточки на временную работу. Нет, прав никаких, но все же видимость легальности. Но тут уже встрепенулись фермеры, у которых эти "таджики" исправно вкалывают на полях.

— Хорошо, — сказали они губернатору, — вот сейчас они все нелегалы. А ты им бумажки выдашь. А они тут же потребуют прибавки как полулегалы. А мы тут же цены подыдем на овощи да фрукты. Подумай, изберут тебя после этого на второй срок или нет?

Губернатор и думать не стал, махнул на мексиканцев рукой. Так и живут — мексиканцы работают, индейцы торгуют, негры ваньку валяют. Правда, говорят,

негры такие не везде. В южных штатах, где белых мало и они не могут создать необходимого задела благосостояния, негры вкалывают (да, поди, еще плантации не забыли). И, говорят, живут себе очень даже и составляют средний класс южных штатов вместе с белыми. Верю. Но пишу, что видел сам. Впрочем, и я видел одно такое место, где негры работают. Страшное место. Мы поговорим и о нем.

Нью-Йорк — город без контрастов

Я прошел Бродвей от даунтауна до Центрального парка и честно скажу вам — такой мрачной дыры еще не видывал. Узкие переулки, задавленные со всех сторон каменными стенами, которые уходят вверх, в небо, как в фильме-фэнтези. Задираешь башку — мама родная, небо-то небо вон куда закинули, и не разглядишь, а только стены эти, сдавившись плечами, уходят вверх невыносимо и ненужно. Но особо задираться не стоит — кругом толпа семенит муравьино, ревут траки да кары вечно куда-то заворачивают, гудят и тормозят у тебя перед пузом, так что подскакиваешь с невольным завыванием, а нью-йоркец, улыбаясь, машет из-за руля рукой.

— А Бродвей-то этот где?

— Да вот мы по нему идем.

Как?! Эта хилая улочка в два ряда с вшивыми убогими домишками — Бродвей? Кирпичные, обтруханые в несколько этажей дома и в рождении своем не претендовали на хоть какую-то архитектуру, а ныне и вовсе приуныли. Чайнатаун? Ну так что теперь — в помойке жить? А кстати, где бы сесть, да закусить, да рюмочку? А? А негде. То есть вообще ничего приличного нет. Час, полтора идем — нет!!! Вшивые забегаловки, негры со своими лотками — хотдог, котлета, кетчуп, диеткола (тьфу-тьфу-тьфу). И ведь как торгует негр-то (кстати, вот вам первый пример работающего афроамо) — рядом мусороуборщик подымает контейнер себе в брюхо и с грохотом пожирает его содержимое. Пыль, вонь, вот — в трех метрах. Ничего, спокойно себе поворачивает на гриле сосиски.

Зато много нищих, все негры, сидят с пластиковыми стаканами, трясут мелочью, ходят на перекрестках между машин, тяжело идут с магазинными тележками, груженными тряпьем.

Итальянский квартал только тем и отличен, что исчезли иероглифы и появилась пицца, а так — тот же бардак на палубе, никакого порядка. А! Уолл-стрит! Где?

— Да вот же, справа.

Скромная улочка, разве что копы особо важные и саранчи с мыльницами больше обычного. Да по стене котировки бегут строкой. А так и не скажешь, что Уолл, так себе стритиска.

Вот ведь какие мифы создает человечество! Это как же надо в головы втемяшить, чтобы как заклинание звучало — "Бродвей", "Уолл-стрит". И сразу у этого человечества — мороз по коже и присевшее благоговение. Благо хоть бы архитектура была, глаз бы округляла. Но американское понимание архитектуры простое, как тот же бигмак, — чтоб стена была ровная и чем выше, тем лучше. А нонче стали строить из черного зеркального стекла, так оно само все подряд отражает, а его вроде как и нет. Сначала отражает мрачные камни окрест, потом — небо голубое, а само — шиш вам. Стелс, в натуре.

Ну, ладно, а закусить-то где? А нет ничего. Два часа идем, следующего негра с сосисками убью, пусть делом занимается — косяки смолит.

Но вот зашли за угол — наконец-то. И даже столики на улице, опять за черной низкой могильной оградой. Внутри погоста курить нельзя, снаружи — пжалста. И еда приличная, и сто пятьдесят в одном стакане принесли, не переспрашивая. Ну ладно, ладно, ну ничего городок, есть похуже.

Вот Мэдисон сквер гарден — действительно, убогий скверик посреди каменистых, зелененький. А сидят там клерки да менеджеры и ланчуют. Обедают, по-нашему. Смотреть на это грустно. Сидит вполне приличный джентльмен, в приличном костюме на пластиковом стульчике, нагнулся вперед и ест из пластиковой коробочки что-то совсем неприличное. Торопливо хлебает, помогая пластиковой же вилочкой. Внизу, на травке — бутылочка диетпепси. И так все сидят и, нагнувшись вперед, жуют быстро. Запахи отовсюду трагические — кухня мира в одном флаконе. Вон, вон отсюда скорее, на несвежий воздух.

Дорогие мечтатели о Бродвее. Вот послушайте, я после Америки по службе попал в Ярославль. Идите в центр, на Первомайскую улицу, она по ширине, как Бродвей, зато дома все ласковые и уютные, кафешки чередой, а сосисками в булке всего одна старуха и торгует на углу и боле никто. И никто к той старухе не подходит, только одна тетка сердобольная купила при мне этот хотдог и им шелудивую собачку и покормила. И еще стоит там одна старушка и подают ей многие, да не по дайму, а по червонцу бумажкой — тоже сам видел, а чего не видел, об том не пишу.

Зато ярославочки какие! Стройные, легкие, юбочки короткие, на щечках ямочки (ой, мамочки!), глазки голубые, да сами простые, не накрученные и жеманные, а русые да желанные.

Во как!

Это, кстати, я был еще в мае, в приемлемо нагретой атмосфере. А что здесь творится летом, при плюс сорока, об том и думать не хочется. Я уж не говорю о здешнем метро. Или нет, скажу. Вот идете вы по тротуару, и вдруг прямо в тротуаре нора. Ступеньки вниз, так что два человека, плечами вперед, разойдутся. А внизу катакомбы, рытые тайным обществом для своих темных дел. Ходы узкие и низкие, железная лесенка вверх — и попадаешь на платформу, несколько в стиле коридора провинциального райкома 60-х годов. Красили еще до войны, а колонны — остатки барской усадьбы. Поезда под стать, вагоны узкие, короткие и трясутся алкоголически. Люди в них сидят совершенно московские, метро вообще лишает национальных черт намертво. Но надо быть начеку — с одного райкомовского коридора могут завезти в разные стороны.

Говорят, мэр Нью-Йорка Джулиани очистил метро от всякой нечисти — бандитов, наркоманов и воров. По мне, так он зря это сделал, в клоаке и должна водиться клоака, а теперь туда ходят приличные люди, создавая диковатый ландшафт — ассенизаторы в смокингах. Прочь, прочь и отсюда, обрети надежду, всяк отсюда вылезший.

Ну, так что же, так ничего светлого в этом городе и нет? Как не быть, конечно, есть — это реклама. Поближе к верху Манхэттена начинается тот Бродвей, о котором вы и слышаны. Театры, кабаки, казино и всякая порочная жизнь. Все это в ореоле рекламы, которая, собственно, и заменяет здесь красоту. Она мигает, бежит, пульсирует, наваливается и портит вестибулярный аппарат. Помните, были такие детские калейдоскопы — приложил к глазу, крути трубку и смотри, как мозаика стеклышек складывается в узоры. Здесь то же самое.

Когда я был, готовились премьеры "Секса в большом городе" и "Индианы Джонса". Кривоногая Джессика Паркер величиной с 20 этажей ухмылялась отовсюду, а насупленный Джонс (как его там) мало меньше чего-то где-то искал на соседних небоскребах. Рядом 5-я Авеню, самая вроде дорогая улица мира. Но я посрамил ее, купив фотоаппарат за 80 долларов, который, точно знаю, на моей родной Горбушке стоит четыреста.

Нет, ребята, конечно, дело вкуса, но провинциальная двухэтажная Америка мила моему сердцу за неспешную жизнь, простые нравы и почти русскую природу, а этот город неприятен уже только тем, что с него берет пример нынешняя Москва, уничтожая свое ласковое старческое лицо в мудрых морщинах и клея на его место бездушную железобетонную маску. Она, может, и отразит мир окрест, да только лица своего иметь не будет и отражения взора не согреют.

Щикарный Брайтон-Бич

Но, братцы, зато как же весело будет вам, коли вы переедете знаменитый Бруклинский мост и завернете направо, на наш родной, гарный, цимесный Брайтон-Бич. Это, доложу я вам, что-то.

Кстати, это первый случай, когда белые выдавили негров. Жили себе тут эти бедолаги в мрачных кирпичных социальных домах, на берегу океана, шалили и не ведали о беде. А она надвигалась в лице крепких стриженных белых парней из Москвы и Украины. Они появились здесь еще в 70-х, цепким взором осмотрели все окрест и особо пристально — нагловатых аборигенов, привыкших к тому, что белые отводят взгляд первыми. Эти не только не отводили, но тут же били больно в толстый пятак, буде негр свой взгляд задержит. Ну, не знали пришельцы про чувство вины за давнее рабство угнетенных, и те вдруг вспомнили повадки белых плантаторов. И побежали жаловаться копам, на что копы со сладким чувством отвечали: "Знать ничего не знаем и слыхом ничего не слышали". Потому как достали их эти парни по самый шпиндикряк и если вдруг появилась на них управа — значит, есть еще правда на земле.

Получать регулярно в распухший пятак неграм очень не понравилось, и они стали линять по-тихому, а белых парней все прибывало. А потом пошли и тети, и дяди, и одесские старухи, и бердичевские и московские старики, и жизнь, в натуре, закипела. Таки "хава нагила" и "семь-сорок"!

Вот вы выходите к океану, и свежий бриз приятно освежает лицо. Широкая досчатая набережная уходит вдаль, слева прекрасный песчаный пляж, справа несколько портят вид те самые кирпичные социальные дома, зато по набережной гуляют и сидят наши люди и все говорят по-русски с неподражаемым акцентом, который теперь и в Одессе-то не везде слышен.

— Фаня, Фаня, — кричит пятилетней девочке полная чернявая мама, — если ты таки будешь от меня убежать, мы тут же идем домой! О'кей?

На набережной ресторан "Татьяна", вывески — "Квас", "Всегда свежее бочковое пиво". По-русски, естественно. Да и все по-русски. С вариантами. Идут три дывчины и трендят по-американски. Вдруг одна добавляет к этому мяуканью:

— Не, ну вообще, е-твою мать, он совсем пидор, если так манається...

Красота!

В прибрежном ресторане, том самом, где агент Соколов имел явку, вполне приличная кухня, свежая русская водка, неправильные соленые огурчики, об чем я сообщил халдею Гоше, и русская публика из пришлох, местные здесь не столуются — дорого.

А ежели сойти с набережной в город, пройти два квартала, то попадешь на центральную торговую улицу Брайтона. В переулке сидела на вынесенных креслицах грибница старичков и старушек. Мы обратились к ним:

— Скажите, а где тут хороший продовольственный магазин?

Мои друзья хотели купить хорошей докторской колбасы, которую в местном моле не найдешь.

Старичок с нависшим носом и палочкой, в которую уперся рукой слегка на отлете, приветливо и внушительно молвил:

— Молодой человек, здесь все продовольственные магазины очень хорошие. Но если вы завернете вон там налево и пройдете вывеску "Привоз", то тут же будет шикарный магазин. Шика-арный! Ви не об чем не пожалеете.

Мы пошли и не пожалели. Центральная улица имеет свой вид — по бокам тротуары и сплошь русские вывески, а в центре — здоровенные железные конструкции, подпирающие линию метро, которое открыто проходит сверху, вдоль улицы, на уровне третьего этажа. Оттого шум толпы и машин постоянно разбавляется железным грохотом метро. Довольно специфично и утомительно для слуха, но никто на это внимания не обращает. Две чистенькие свежие старушки прямо среди этого тарабаха и сутолоки оживленно обсуждают Исаака, который поступил некрасиво. Тут же православный батюшка в ответ на мою просьбу крестит меня и говорит ласково:

— Бог благословит!

Руку для целования не дает, и мы лобызаемся троекратно.

А за углом магазин и впрямь шикарный, прилавки завалены и почти везде надписи: "Только сегодня из России". Ценники все на русском, только в баксах, продавцы все говорят по-русски, как и покупатели. Старичок пробует "свежую черную икру из России" и берет сто грамм "для вечернего чая с гостями". Я загляделся на конфеты московской фабрики "Коркунов" и услышал:

— Молодой человек, возьмите чуть левее, я с транспортом.

Я взял левее и мимо проплыла леди с груженной тележкой.

— Софа, — кричит старичок, — свежие халы завезли! Только что!

— Ну так возьми их. Что кричать на весь Брайтон?

И вот что я вам скажу. Упаковка форели фирмы "Океан" у меня дома в магазине за углом стоит 180 рублей. Здесь та же упаковка того же веса 4.99 доллара, т.е. около 120 рублей. И так буквально все цены на товары, а я же вижу, что они все российские. Этот как же, люди добрые, нас в Москве капиталисты нае-вают? Если на Брайтоне, да с перевозкой через океан, на треть дешевле? Значит, местный хозяин, честный еврей, берет 5% с опта и тому рад. А это сколько же берут московские барыги? И мы еще спрашиваем, откуда инфляция?

А оттуда она, что приснилась этой сволочи новая цена, слаще прежней, так он ее с утра и выставил. Да друганов своих обзвонил, чтоб и они не плошали. Зачем брать прибыли 120%, когда можно 140? А кто не внял, тому вилы в бок и поворочать там, пока не дойдет умом, как торговать правильно. Конечно, он, может, и мог бы меньше, да чиновники российские не дают, доли требуют. А аппетиты у них волчьи. Народ же терпеливый, бунтует всего раз в сто лет, уже подсчитано. Так что можно его еще поприжать, семья-то большая, и на Лазурном Берегу все дорожает некстати.

Так что, езжайте-ка за харчем на Брайтон-Бич, дорогие мои москвичи. Да и за шмотками туда же, они там копеечные. Там на грош пятаков наберете и за-

одно окупаетесь в неповторимую атмосферу русско-еврейского быта, очаровательного и беззлобного, размеренного и обустроенного. Подышите океаном, посидите за кружкой пива на набережной, заведете ненужные и тем приятные знакомства и со странным чувством покинете этот, конечно, очень близкий душе мир, который оставил старую Россию, основал здесь свою и мало понимает что про новую, где все так же необустроено, как и в прежней.

Здесь, за океаном

Меня, знавшего ранее Америку исключительно по холодно-расчетливой мировой политике, не оставляло мучительное чувство несоответствия этой имперской Америки со страной, которую я увидел. Добродушная, размеренная, пузатая в развалку, работающая, трогательно патриотичная, простоватая, тороватая, белая, черная, желтая, красная, ну, никак не вязалась она с образом мирового ястреба.

Конечно, у Америки есть чему поучиться и никому не стыдно перенять многое у сметливого и хваткого молодого народа. Социальные технологии, обустройство быта, система права, поддержка и развитие частной инициативы и признание слабых и много что еще может служить примером для подражания. Но это совсем не та цивилизация, которая может претендовать на мировое лидерство. Волею случая разбогатевшая держава одним этим состоянием не в силах предложить миру свою систему ценностей. То, что сегодня декларируют американские лидеры, еще очень неубедительно. Римская империя не только освоила пространство и заложила основы будущей Европы, она наполнила это пространство смыслом, культурой, нравственным содержанием — христианской этикой.

Византия отдала свою лампаду северному соседу, и целый народ осветил глубоким духовным светом одну шестую часть суши с названием кратким Русь, да так, что и сегодня еще осмысление этого есть предмет далеко не до конца освоенный. Великая просвещенная культура и духовная мудрость — условия лидерства цивилизации, но ни первым, ни вторым Америка сегодня не располагает.

Впрочем, я не говорил с американскими политиками, я не знаю, какие обороты используются не на официальном уровне, а между своими. Для меня очевидно, что двухэтажная Америка не агрессивна по своей природе. Обустроенный быт не настраивает на воинственный лад. Кстати, большинство янки сегодня против иракской войны, как против многих беззаконий, творимых правительством за пределами страны. Это вообще забавное восприятие мира политической элитой — у нас в Америке Закон, а за ее пределами его нет. В смысле — американского. Поэтому здесь его нарушать нельзя, а там — что нарушать, если нет? Америка вне Закона оказывается довольно варварской, следом за Законом (точнее, в его отсутствие) идет не закон Совести, а право Кольта.

Помните историю араба, английского подданного, которого по ошибке схватили, засунули в подпольную тюрьму и полгода пытали, добиваясь выдачи имен террористов. Тот бы и рад выдать, да сам не в курсе. "Я, — говорит, — не при делах. Торговец я". — "Ах, не при делах? Торговец?" И снова дубинкой по пальцам. Потом пригляделись через полгода — точно, не тот.

— Ты, брателло, прости, коли что не так, — и выпустили (и то, не закопали ведь втихую).

Тот сначала отбежал подальше, подлечился, сейчас права качает — денег просит за увечья, но шансов мало. Если б его в Америке пытали, в федеральной тюрьме, тогда другое дело, а так...

Конечно, двухэтажная Америка тут совершенно ни при чем. Но также верно и то, что она сегодня совершенно самодостаточна, хотя и несколько встревожена внезапно возникающей икотой экономики, растущими ценами и дорогим бензином.

Меняется традиционная семья, муж уже не "bread provider", женская эмансипация оказалась обменом привлекательности на самостоятельность, хотя еще лет тридцать назад от четырех уродин "секса в городе" у среднего янки случился бы нервный тик.

Но в целом мифология национальная сохраняется и в местном ареопаге пока новостей нет. Правила просты, о них еще Пушкин писал в альбом юного Вяземского:

*Душа моя, Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.*

Как это ни странно звучит, но мне почудился здесь некоторый застой, словно я попал в подзабытые нами 70-е, течение жизни несколько растительное, и даже у интеллектуалов состояние слегка анабиозное. Ей-богу, сегодня в России все как-то, может, и наискось и набекрень, но живет и встрепенутее.

Мне также совершенно ясно, что эта вот жвачная жизнь не есть природа американцев, при случае там и взгляд яснее, и смачная острота, словно порусски, выплунется. Они восприимчивы, только засиделись немного в своих эриях и молах. Да и любой на их месте притупел, благополучие к сему клонит. Нам очень с ними надо бы пообщаться. Надменной Европе не знаю, сколько еще надо плюх получить, чтобы человеческие интонации прорезались. А здесь эти обертоны на слуху. Вон Буш говорит: "Взглянул в глаза Путину и поверил". Это же очаровательно — "взглянул и поверил". Меркель такое бы и в 16 лет не выдала.

Вот свести бы нынешнюю двухэтажную Америку и нашу Россию, пока одноэтажную, — уверяю вас, найдете более сходства, нежели различий.

Пусть политики натирают жерла пушек фалдами своих фраков, мы лучше потрем задами одну скамью, да нальем две рюмочки, да чокнемся "А там посмотрим, что прочней".

*Boston, Massachusetts — Nashua, Portsmouth, New Hampshire — Boston,
Massachusetts-Syracuse, New York-Niagara Falls, Buffalo, Ohio, Pennsylvania,
New York-Jersey City, New Jersey-New York, New York-Brighton Beach.*
Май 2008

Second part of the travel notes of a well-known sociologist, in which he describes his impressions of American universities, religiosity and everyday life.